

Такеда Харуна

Прошло больше двух недель как я заняла холм, лежащий рядом с крепостью Кайдзу. Признаться, я жаждала быстрее вступить в битву с воинами клана Уэсуги. И не потому что учитывала то, что в этом случае Кенсину придется разделить часть своих сил для того, чтобы удерживать Канске в крепости. И не из-за того, что моральное состояние моих воинов всё же было высоко. Ведь весть о нашествии врагов взбудоражила головы и подняла порыв моих людей...

Как бы там ни было, я признаю себе, что попросту хотела, наконец, закончить эту войну. Вражда с кланом Уэсуги становится всё яростнее. И дело не в том, что я испытываю страх от мысли, что на сей раз проиграю Кенсину. Если я не умру, то продолжу борьбу...

Ответ настолько приземленный, что мне стыдно озвучивать его. словно простой мирянин, я пытаюсь избежать трудностей, которые, без сомнения, поджидают меня в лице Кенсина. Конечно, можно оправдываться тем, что меня с детства учили вначале разобраться с теми делами, которые кажутся наиболее трудными.

Но на этот раз всё иначе. Ведь в этом, бесспорно, кроются семена малодушия...

— Госпожа, Ваши вассалы ожидают снаружи...

Харе Масатане, будучи моим помощником, нарушил тишину, царившую в палатке.

На лице парня можно прочесть озабоченность. На минуту я растерялась от мысли, уж не понял ли он причины смятения? Но я быстро отмела эту мысль.

— Пусть заходят...

Кенсин опасный враг, её действия даже мне трудно постичь. Заняв гору Сайдзе, она не предприняла ни одной попытки вовлечь моих воинов в битву.

Первая битва при Каванакадзиме была кровавой. Но всё же в той битве мне удалось достичь победы. Однако на этот раз трудно было сказать кто одержит вверх...

После того, как все заняли свои места, ко мне обратился Баба Нобуфуса:

— Госпожа Синген, мы окружили гору Сайдзе, но, вопреки ожиданиям, Кенсин на это никак не отреагировала...

В некотором роде, предстоящая битва в чем-то напоминала ту нашу первую, при Каванакадзиме. Уже который день два войска лишь молча наблюдают друг за другом. И Нобуфуса был слегка некорректен. Нашей восемнадцатитысячной армии не хватало для того, чтобы полностью зажать врагов в железные тиски.

Из-за того, что рядом с горой протекали реки, максимум, что мы могли, это не дать врагу пополнить припасы с равнины.

Рядом с Нобуфусой сидели знакомые мне самураи, Оба и Акияма. Оба были хорошими командирами и, видно, хотели выслужиться, раз сдружились с Нобуфусой.

Пройдя взором по своим вассалам, я не замечаю своего стратега.

Канске поступил мудро, что занял крепость Кайдзу. Отчасти это из-за него Кенсин осталась на

месте. Но меня беспокоило то, что он относиться к своей жизни пренебрежительно. И дело не в наших отношениях. Потеря Канске сильно скажется не только на клане, но и на простых воинах.

Хотя в последние дни мне кажется, что я лишь убеждаю себя в этом, делая вид, что забочусь о нем из-за холодного расчета...

— Возможно, будет лучше, если мы не будем спешить со сражением. Ведь провизия Кенсина кончается. Нам лишь нужно запастись терпением, и когда ослабленный Дракон из Этиго спустится с горы, мы положим ему конец...

Торамари был из тех самураев, которые помогали моему отцу в покорении провинции Каи. Его седые волосы говорили о прожитых годах. По сравнению с остальными, Торамари был миролюбив. Но это не значит, что он был посредственным самураем. Вовсе нет. Захоти этот человек, то давно занял бы почетное место у моего отца. Обладая чистой душой, Торамари всегда стоял за правду. И, возможно, из-за этого мой отец так невзлюбил его...

Торамари был прав, но лишь отчасти. Видя, как мои вассалы кивают, признавая мудрость его слов, я решила прояснить некоторые моменты.

— Возможно, Кенсин добивается того, чтобы поставить своих людей в затруднительное положение...

Пока я дала время, чтобы мои вассалы осмыслили сказанное, самурай Обата задал вопрос:

— Осмелюсь спросить, но зачем Кенсину это? Что она этим добивается?

— Чтобы укрепить свое положение. Ибо не зря говорится, что воины бьются яростнее тигра, когда не ожидают спасения...

Полог шатра открылся, и перед нами предстал Канске. И, к моему удивлению, он был не один. А с той, что носила маску.

Пока Канске проходил на свое место, девушка в маске расстилала карты перед всеми.

— Стратег прав. Если ты сражаешься с тем, кому нечего терять, знай, что это неравная битва...

Вопреки моим усилиям, мой голос всё же выдал мое недовольство. Ведь я собрала своих вассалов не просто так, а чтобы наметить дальнейший план действий. К тому же, здесь были отнюдь не простые самураи. От клана Санады присутствовал лишь Юкитака, а от клана Сувы лишь принцесса Ю...

Возможно, находишь моя сестренка сейчас здесь, с нами, она дала понять, что была права. Но из-за скорой свадьбы, Нобусина не могла участвовать в этой военной кампании.

А эта девушка в маске была никем и не имела права находиться здесь.

— Канске, я слышала, что ты показал представление нашим врагам, когда находился под осадой. Может, и нам покажешь? Или спляшешь?

Некоторые вассалы в открытую рассмеялись, вторив моему наигранному смеху.

Воздух в шатре стал душным, и мне пришлось раскрыть тяжелый веер, подарок моего стратега. В отличие от других ценных подарков, полученных от слуг, веер я держала подле себя не

потому, что часто им пользовалась. А, скорее, хотела, чтобы Канске понял, как я его ценю.

Но жаль, что я не сдержалась.

Кровь ударила в лицо Канске, и он притупил взгляд от нанесенного унижения. Я прекрасно знала, чего добивался стратег этими представлениями. Но гнев плохой советчик, и, не желая того, я нанесла ему оскорбление. Унизив его перед всеми...

— Если Вы желаете, то я могу и сплясать ради Вас. Рен, сыграй ту мелодию на дудке...

Голос Канске не выражал обиду или злость. Он не выражал ничего, будучи лишь безэмоциональным и мертвым.

— Ладно. Посмеялись, и хватит. Лучше вернемся к делу...

Всё же слухи о Канске и об этой Рен меня задевали. То, что он привел её с собой, в этом мои воины видели чуть больше, чем просто радение о клане. И, возможно, не последнюю роль сыграла свадьба, которую пришлось провести моим родным, ради будущего клана.

К тому же, когда все твердят одно и то же, то, волей-неволей, ты начинаешь сомневаться в действительности...

Остыв от гнева, я понимаю, что все это лишь оправдание. Канске не заслуживал такого отношения. Я могла показать свое недовольство при личной беседе.

Обдумывая всё это в то время, когда Рен расстилала на карты, показавшейся мне бесконечно долгим.

— Позиция Кенсина кажется крепкой. Однако, мой вассал Масакаге еще до прихода воинов Уэсуги тщательно изучил гору Сайдзе. По утру, возле подножья гор, поднимается густой туман. Разделив наши войска и отправив основную часть ночью для утренней атаки, мы можем застать Кенсина врасплох...

Всем стало ясно, что Канске уже наметил стратегию. И он лишь ждал, когда остальные поймут весь замысел.

— Это понятно. Но как мы сможем обхитрить Кенсина? Ведь с горы она сразу поймет, что часть наших воинов ушли из лагеря, — спросил за всех Торамари.

— Мы прибегнем к старой военной хитрости с кострами, сделав видимость, что наш лагерь полон...

На минуту в палатке повисла тишина. Мои вассалы осмысливали слова стратега.

— Основным силам придется передвигаться ночью, без шума и света. Другая же часть армии подойдет близко к горе и привлечет внимания Кенсина на себя. Но сразу замечу, в битве она будет участвовать только косвенно, нападая на отступающего врага с горы...

Благодаря нашим шиноби, мы знали, что в войсках Кенсина было около тринадцати тысяч людей. Видя, что никто не решается высказаться, я добавила:

— Генералы Баба Нобуфуса и Ямагата Масакаге поведут двенадцать тысяч наших воинов и нападут на врага. Как и говорил Канске, с остальными шестью тысячами воинов я подойду к горе Сайдзе. Ответственным за эту операцию назначаю Нобуфусу. Косака Масонобу и Найто

Масатойо будут отвечать за фланги авангарда. Что касается расположения моего арьергарда, то Санада Юкитака и принцесса Ю будут отвечать за правый и левый фланги...

Стратегия Канске подразумевала то, что на этот раз мы могли полностью покончить с кланом Уэсуги. Если даже нам не удастся добыть голову Кенсина, то, по крайней мере, мы можем достичь того, что этот враг впредь поостережется выходить против нас...

Не от кого не укрылось, что я пыталась укрепить позиции вассалов Канске. Ведь Косака и Найто могут добыть себе славу в предстоящей битве. Что касается Санады Юкитаки и принцессы Ю, то я в данный момент не могла потерять их. Потеря лояльных мне лордов, может плохо сказаться на деле.

К тому же, я и сама хочу насладиться битвой. Но у правителей свои обязанности и привилегии...

— Госпожа, а как насчет меня? Могу ли и я возглавить отряд в числе основных сил? — подал голос Канске.

— Нет.

Мой голос донесся слишком резко. Всё же, я признавала, что боялась потерять своего стратега. Выждав минуту и собравшись, добавила более миролюбиво:

— Ты будешь возглавлять центр арьергарда. Готовьтесь к выполнению плана. Через день-другой мы выступаем. На этом всё, все свободны. Канске, а тебя попрошу остаться...

Вассалы быстро покинули палатку, будто и не было никакого совещания. Стратег сидел на своем месте, но при этом он явно избегал моего взгляда.

— Канске, что с тобой происходит?

На самом деле я хотела спросить «что происходит с нами?»

— Харуна, ты знаешь о моих чувствах. Но так больше не может продолжаться. Иногда я путаюсь, и в моей голове рождаются нелепые мысли. Кто я для тебя? Может ли быть, что ты лишь игралась со мной? Ведь кто ты..., а кто я...

— О чем ты...

— Ты прекрасно знаешь о чем я! Сегодня ты дала мне ясно понять, что я один из многих твоих вассалов. Но, скажи, разве обязательно открывать истину, унижая меня?! Я знаю, несмотря на все мои заслуги, я тебе всё еще не ровня... Но разве это повод, чтобы так себя со мной вести...

Последнюю фразу, Канске проговорил тихо. Я знала, что это могло задеть его. Но не думала, что настолько...

— Канске, мне жаль, что я унизила тебя перед всеми. Лишь за это я прошу у тебя прощения. Но меня не устраивает, что ты всюду таскаешь её за собой!

— Ты права, она безродная, словно бродячий пес. Но, скажи, разве я тоже не в таком положении?

— Как ты можешь сравнивать себя с ней? Ты самурай, стратег дома Такеда!

На мои слова Канске лишь горько улынулся.

— Все верно. Но я также и твой слуга...

Я знала, что он прав. Но мне нечего было ответить. Да и что я могла сделать?

— Канске, будет лучше, если ты не станешь предаваться мыслям перед битвой.

Знаю, не эти слова Канске ожидал услышать. Но я, в свою очередь, сильно поразилась, увидев, как он в открытую смеется на мои слова.

Видно, мое состояние можно было прочесть по лицу, так как он быстро, подняв ладони, добавил:

— Прости. Я не хотел обидеть тебя. Просто... порой я забываю, что ты у меня не простая девушка.

— Что ты имеешь в виду? — лишь больше насторожилась я, ожидая подвоха в словах парня.

— Харуна, ты и вправду удивительна. Я в своей жизни не встречал такую, как ты...

Говоря это, Канске открыто улынулся. И, смотря в его глаза, я знала, что он искренен. Появилось такое странное ощущение, будто мы понимали друг друга без слов. И, казалось, те проблемы, которые не дают нам покоя, мгновенно улетучились.

— Канске, вот увидишь. Разберемся с Кенсином, и мы вместе сможем найти выход...

— Спасибо, Харуна. Мне надо было это услышать. И мне кажется, нам надо почаще с тобой вести такие открытые беседы, — добавил парень.

Канске смотрел так открыто и преданно, как смотрят лишь люди, испытывающее высокие, неземные чувства. И, видя его безграничную любовь, мое сердце успокоилось.

Но, стоило пологу шатра закрыться за ним, как следующая мысль вывела меня из равновесия. Что будет делать Канске, если мы не сможем найти выхода? Он верит в меня, верит в то, что я смогу отбросить условности «госпожи и вассала». Но правда в том, что я не знаю как быть...

Пару дней спустя

Подножье горы Сайдзе было обвито кронами деревьев. Несмотря на то, что тринадцатитысячная армия Уэсуги закрепились на горе, лес от этого не сильно порядел.

Лагерь Кенсина был построен лицом к врагу. Лишь на этом месте они могли развернуть большую часть своих сил. Так как огромные глыбы камней и густые деревья мешали полному участию воинов с обеих сторон, преграждая движение.

В этот вечер Усами Садамицу, сняв доспехи, лениво прохаживался по лагерю. Видя его, воины замирали, прекращая разговоры. И это старику не нравилось, так как воины явно судачили о положении дел.

Конечно, ситуация не была критичной. Но многих воинов бросало в смятение то, что войска Такеды расположились у дороги, ведущей в провинцию Этиго. Глупцы считали, что Такеда осмелится вторгнуться в Этиго, когда как Кенсин убивает время на горе. Теряя не только время, но и бесценные припасы...

Усами сразу же отмел эту идею. Ведь если Такеда устремится в Этиго, то она, в итоге, потеряет Синано, не говоря уже о Каи. К тому же, вряд ли она сможет завоевать провинцию Этиго...

Прохаживаясь по лагерю, Усами удивился, увидев Кенсина, сидящую на огромной глыбе. Этот камень был настолько огромен, что воины не смогли его выбросить прочь.

Сделав пару шагов по направлению к госпоже, его глаза заметили Мураками Ёсикие, который стоял рядом с глыбой словно верный пёс.

Мягкие оттенки пурпура внутренней накидки гармонично переплетались с основным цветом доспехов — белым.

— Госпожа, что Вы тут делаете так поздно? — спрашивал старик больше не девушку, а Ёсикие.

Парень на мгновение растерялся. Отчего старик сразу же заметил, что Мураками Ёсикие не учел, что их времяпровождение могло показаться странным остальным.

— Усами, скажи мне, что ты видишь?

Кенсина даже не повернула голову, чтобы посмотреть на старика. Её взгляд был прикован к тому месту, где, словно на ладони, виднелось расположение противника.

Хоть на небе уже были видны первые звезды, однако, ночь еще не полностью вступила в свои права.

Нельзя сказать, что глаза Усами Садамицу были зорьки, как в молодости. Но всё-таки от него не укрылись огни костров, от которых шел густой дым.

— Полагаю, воины Сингена ужинают...

— Ну, а ты, Ёсикие?

— К словам почтенного Усами мне добавить нечего, — произнес лорд Мураками.

Девушка, сидя на огромной глыбе, звучно рассмеялась.

Отсмеявшись, она посмотрела на своих слуг. И по её взгляду оба самурая поняли, что Кенсин не была удовлетворена их ответом.

— Прощлую битву Синген предоставила так, будто мы потерпели поражение. Довольно спорный вопрос, вы не находите?

Несмотря на то, что девушка сказала это как бы в шутя, Усами уловил её недовольство.

— Хоть после той битвы мы с ней не встречались в бою, однако я должна признать, что Синген никогда не изменяла расположения своих войск без особых причин. Который вечер я наблюдаю отсюда за её лагерем. Посмотрите, сегодня от западной части лагеря исходит слишком густой дым, — указав рукой, Кенсин на минуту задумалась.

Этого времени хватило, чтобы Усами постиг недосказанное.

— Госпожа, Вы думаете, что Харуна прибегла к хитрости с кострами?

— Да. Не забывай, нам противостоит не только Синген, но и её стратег, Канске.

— Никому не секрет, что Канске любит прибегать к хитростям. Но, если Вы правы, то, что они замышляют? — спросил Ёсикие.

Мураками Ёсикие по праву считался одним из лучших самураев Синано. Ему не доставало лишь одного — парню были чужды военные хитрости...

— Они делают видимость того, что их лагерь полон. По числу костров я могу предположить, что в данный момент больше половины воинов Такеды вне лагеря. Даже расположение костров слегка изменилось, — задумчиво молвила Кенсин.

— Значит, Такеда намеривается напасть на нас. Вопрос только когда?

Спрашивая это, Усами, напрягая зрение, не отводил взгляда от далеких огней.

— Завтра. Такеда нападет на нас завтра, когда мы меньше всего ожидаем. Мне ясны замыслы Сингена, она хочет расправиться с нами раз и навсегда. Её основные силы нападут на нас с южных ворот. И когда я отправлю воинов с западных ворот, чтобы они, перейдя реку, помогли отбить лагерь, Синген будет поджидать их в засаде...

Из западных ворот лагеря Уэсуги открывался вид прямо на лагерь Такеды. Лишь здесь горная местность позволяла за короткое время передвигать большое количество воинов. Так как рядом с другими воротами находились природные препятствия.

— Скорее всего нападение произойдет утром. Когда большинство наших воинов будут спать крепким сном. Да, скорее всего так и будет. И, наверное, в данный момент основные силы Такеды переправляются через реку, чтобы подоспеть. Вы понимаете, что их удар будет настолько неожиданным, как гром среди ясного неба?!

В голосе Кенсина прозвучало восхищение. Девушка явно оценила стратегию врагов. Обернувшись на ее возглас, Усами который раз изумился, увидев горящий взор её глаз. Старику стало ясно, что мысленно девушка видела то сражение, которое могло разыграться буквально завтра.

— Госпожа, могу ли я спросить? — увидев ответный кивок, Мураками продолжил: — что Вам открыло замысел врагов? Не приложил ли к этому руки сам Бишамонтен?

— Мне кажется, ты заблуждаешься, Ёсикие. Боги не помогают тем, кто не в силах помочь себе.

Несмотря на слова девушки, лорд Мураками лишь убедился в том, что за Кенсином стояли непоследние высшие силы. А Усами, в свою очередь, убедился в том, что девушка не желала делиться славой даже с богами. Что, если честно, было в характере лорда Уэсуги.

— Но ответу на твой вопрос. Я поняла замысел Сингена потому, что поступила бы так же...

Пока оба её слуг осмысливали сказанное, Кенсин добавила:

— Усами, пусть воины приготовят рис так, чтобы они могли позавтракать и утром. Я перехитрю Сингена, мы ночью спустимся с горы и перейдем реку. Поутру же, когда резерв во главе Сингена подойдет к реке, мы нападём на них и расправимся с ней прежде, чем основные силы врагов доберутся до нас. Синген и я будем биться друг с другом. Завтра всё решится...

— Госпожа, разве мы не оставим часть воинов в лагере, чтобы они задержали врага?

— В этом нет необходимости, Ёсикие. Наши воины вмиг будут сметены основными силами Сингена. Будет разумнее оставить воинов защищать брод. Ступайте, время дорого...

Немолодое тело самурая пробило дрожью. Но не от страха, а от предстоящей битвы. И, удаляясь, старик обернулся, чтобы увидеть, как его госпожа всё так же сидела на камне, всматриваясь виднеющиеся в дали огни от костров...

Вторая битва при Каванакадзима

(Тема битвы: Тюргэн Кам — «Стрелы шамана»)

Несмотря на предрассветный густой туман, воины Такеда почувствовали неладное, приближаясь к реке Тикума. Звуки барабанов для них были неожиданностью, но годами отточенная выучка не подвела. Командиры сразу же дали сигнал готовиться, ведь впереди их ждали враги.

Стратег дома Такеда, понимая, что Кенсин смогла на сей раз обхитрить их, дает приказ своему отряду выпить горькой настойки. И отряд Акала, одурманенный ею, предается невиданной эйфории, издавая нечеловеческие звуки.

Но воинам во флангах не до них. Каждый занимает построение, указываемые их командирами-самураями. Командуя левым флангом, принцесса Ю недовольно хмурится. Никак Кенсин привела всю свою армию, звуки, исходящие впереди, поражают.

В отличие от принцессы Ю, Санада Юкитака был весел. Но от его дочери не укрылось, что веселость эта лишь показная. Уловив взгляд дочери, Юкитака велит ей охранять Канске. И, смотря в спину дочери, лорд Санада молится, чтобы удача и на сей раз не подвела стратега. Ведь отправил он дочь не для защиты стратега как таковой, а для того чтобы она смогла выжить, находясь рядом с Канске...

Синген хранит молчание и не рвется в бой. Сегодня ей нужно оставаться позади и лишь молча наблюдать, как её воины гибнут за клан, за неё.

Нет сомнения в том, что Кенсин пришла за её головой. А, значит, Синген не имеет права так легко сдаваться. К тому же, Баба Нобуфуса и Ямагата Масакаге должны успеть на выручку...

Лорд Такеда устраивается в кресле и с замиранием сердца ожидает начала сражения. Капельки пота бегут по лицу, но не от жары, а от напряжения. И лишь раскрыв тяжелый веер, она успокаивается. Ведь рядом преданные вассалы, ведь рядом Канске...

Туман всё ещё скрывает врагов, из-за чего воины Такеды нервничают. Понимая, чего добивается Кенсин, Канске первым дает сигнал нападать. Будто только этого ожидая, отряд Акала первый скрывается в тумане. Сразу же после этого раздаются голоса отчаяния. Будто с той стороны люди столкнулись с демонами.

Подбодренные воины Такеда яростно врываются в ряды врагов. И Сингену становится ясно, что если основные силы не подспеют, то все они полягут на этом поле.

Кенсин посылает одну волну воинов за другой. Зная, что преимущество на её стороне. Фланги Такеды не дрогнули, но они жутко истощены и резерва брать неоткуда. Кенсин видит, что даже натиск сохеев не помогает, видно, отчаяние придало сил воинам Такеды. Но, вдруг поняв, что настал переломный момент, она лавиной ведет конницу во фланг Такеды. Её воины успевают расступиться, и всадники Уэсуги словно по маслу проходят по рядам.

Канске прекрасно видит, как фланг, на котором командует Санада разрывается надвое. И все попытки Юкитаки тщетны, воины, едва отражая натиск асигару, дают возможность Кенсину проскочить через них.

Канске все это прекрасно видит, но ничего не может поделать. Отряд Акала, сорвавшись с цепи, уже не слышат команды. Некоторые из отряда буквально упиваются кровью, словно порождения бездны...

Фланги Такеды подают сигналы к отступлению, которое еще не превратилось в открытое бегство.

Понимая положение, Канске, вопреки советам самураев, командует обратное. Центр войск Такеды двигается вперед. И на это движение фланги Уэсуги концентрируют внимание на воинов Акала.

Смотря на это, Синген нервно сжимает веер. Ведь ей становится ясно, что Канске решил пожертвовать центром, чтобы отвести беду от флангов. Чтобы кланы Санада и Сува смогли увести воинов. И это также означало то, что жизнь стратега опять висела на волоске.

Командуя центром, Канске замечает, как воины Уэсуги начали окружать их со всех сторон. Положение становилось опасным, и перед Канске встал тяжелый выбор. Отступить или пойти в атаку, надеясь выиграть лишнее время для отступления Харуны.

Поняв, что их окружают, стратег отдает приказ всем воинам выстроиться в круг и выставить копыта по отношению к врагам, и медленно двигаться в сторону своих. Если даже им не удастся выйти из положения, то, таким образом, они могли продать свои жизни подороже.

В пылу битвы парень не смог увидеть, как одинокий всадник, отдаляясь, устремился к тому месту, где стояла ставка Сингена.

Ошарашенные воины врага не смогли удержать Кенсина. Чувствуя в этот момент себя живой, лорд Уэсуги, махая мечом, поражала противников, рассекая их доспехи и смахивая с плеч головы неосторожно подставившихся врагов.

Видя брешь в ставке Харуны, лорд Уэсуги направляет своего коня в эту брешь, успевая проскочить до того, как ее чуть не поразил ушлый асигару.

Не ожидавшая этого, Харуна растерялась. Но это ей не помешало отбить своим железным веером первую атаку Кенсина, которая была направлена в горло.

Конь Уэсуги прошел ещё немного вперед, а потом развернулся в сторону врага своей хозяйки. Обе девушки на секунду замерли, а спустя мгновение Кенсин понеслась на врага. Ожидав нечто подобное, Харуна успела отпрыгнуть в сторону. Конь встал на дыбы и чуть не сбросил свою наездницу, но девушка все-таки удержалась в седле и даже успела серьезно ранить Харуну в спину, оставив длинную и глубокую полосу.

Видя, что в ставку вырываются воины Такеды, Кенсин успевает увести коня прочь. К удивлению Лорда Уэсуги, неудача не омрачила ее настроение, а даже наоборот. Схватившись лицом к лицу с врагом, она поняла, что Синген была удивительным воином.

Всадники Уэсуги сразу же поспешили к Кенсину. Но воинам Такеды было не до них. Каждый отряд сражался на поле боя, забыв обо всем на свете. Воины в центре еле держали позицию. Но внезапно ситуация изменилась, натиск Уэсуги сразу же спал на нет.

Не добившись задуманного, воины Уэсуги начали отступать в сторону горы Таканаси. Пока основные войска уходили, аррьергард Кенсина остался выжидать. Ведь со стороны брода реки уже был дан сигнал о прибытии свежих сил врага.

Воины под командованием Канске, выстроившись в круг, продолжали отражать вялые нападки со стороны врага, ведь скоро подойдут подкрепления и они спасутся — примерно так думал каждый воин, попавший в окружение, тем более у них был весомый довод в пользу того, что их спасут, с ними был великий стратег клана Такеда.

Но тут случилось страшное — Мураками Ёсикие увидел стратега и бросился туда со своим отборным отрядом, дабы отомстить за понесенные обиды и поражения. Крича и подбадривая своих воинов, которые прошли с ним не одну яростную битву, они, как горячий нож, прошли сквозь масло, которым был защитный круг воинов Канске. Видя, что положение отчаянное, воины Такеда решаются на самоубийственную атаку, дабы задержать врага и дать время, чтобы стратег мог спастись. Ведь если умрут они, то это не страшно, а вот если погибнет опора, на которой держится весь клан, то это будет означать поражение Такеда.

Но сам стратег не горел желанием покинуть своих воинов, тогда Санада Нобуцуна, стоявшая рядом, решила пойти на отчаянные меры, приказав двум самураям клана Санады скрутить стратега и вывести его из окружения, тогда как сама она пробивала путь к свободе крепким копьём...

Воины Акала, будто звериным чутьем почувствовав важность момента, заревели пуще прежнего, с дикой яростью бросились на врагов. Напор был столь силен, что даже отборные воины клана Мураками опешили. Многие воины Акала были серьезно покалечены, но это не мешало им сражаться, они были под воздействием особых снадобий, которые блокировали боль. Если у воина не было руки, то он бросался и разрывал горло врага зубами, даже ценой своей жизни, если не хватало ноги, воин полз, хватал противника за стопу и опрокидывал его на землю, где он, или подоспевшие соратники добивали неудачника. Но так не могло продолжаться долго, и, сбросив оторопь войны, Мураками помалу, но начал теснить своих врагов. А спустя пять минут уже не осталось ни воинов Акала, ни простых асигару, и, не обнаружив среди бойцов Такеда стратега, Ёсикие издал полный ярости рев, он потерял довольно много бойцов и ради чего? Ради призрака стратега и ради кучки оборванцев, которые даже меч в руках ни разу не держали! Он надолго запомнит это унижение и непременно отомстит — такой была его клятва богам.

Аррьергард Уэсуги бился с силами Такеды, которые, наконец, пробились через брод. В полуденное время разгорелась вторая битва. В которой уже не участвовали ни воины Канске, ни остальные.

Кенсин всё хорошо рассчитала и вовремя увела свои силы. Если не считать ту часть, которой она решила пожертвовать...

Уэсуги Кенсин

<http://tl.rulate.ru/book/2255/44711>